

призрачный гонщик

Татьяна Вафина

Татьяна Вафина
Призрачный Гонщик

«ТАТМЕДИА»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Вафина Т.

Призрачный Гонщик / Т. Вафина — «ТАТМЕДИА», 2025

ISBN 978-5-4494-0241-7

3 истории любви. 2 истории войны. 1 история смерти. И 160 спасённых солдат. Такая незамысловатая арифметика жизни одного обычного бойца с позывным Фаза. Он жил в Казани. Он служил в именном батальоне «Тимер». Он вывозил под обстрелом врага с поля боя раненых. И он погиб как герой, спасая людей. Судьба обыкновенного человека замечательна своей обыкновенностью. В ней вроде всё как у других, но каждая его жизнь – до и после смерти – это целая история, сотканная из необычайных приключений, неумной жажды риска и светлой любви, которые, как отдельные главы этой книги, навсегда останутся в памяти его близких. Перед вами 3 жизни бойца с позывным Фаза, прозванного в батальоне за смелость и отвагу Призрачным Гонщиком.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-4494-0241-7

© Вафина Т., 2025
© ТАТМЕДИА, 2025

Содержание

Часть 1. Жизнь первая	7
Глава 1. На передке. Как Фаза спас Пионера и Тиля	7
Глава 2. Железные кони. Как немецкий «Цюндапп» попал на Украину	11
Глава 3. Туман. Как цыганка Натана украла Белого	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Татьяна Вафина

Призрачный Гонщик

© Татьяна Вафина, 2025

© Филиал АО «Татмедиа» ПИК «Идел-Пресс» 2025

* * *

Мои благодарности всем, причастным к этой фантастической истории жизни реального человека, как призрачный гонщик появляющегося там, где нужна его помощь. Главное спасибо – воину с позывным Горец, который сохранил для этой книги мысли легендарного бойца – он, извлекая эти мысли из своей жизни и опыта, каждый день записывал их в личный дневник побед, преодолений страхов, трудностей, и, казалось бы, невыполнимых заданий – в дневник под названием «Ура-ура!».

Автор

ДНЕВНИК «УРА-УРА!»

Стилистика автора сохранена

* * *

ПРО ЖИЗНЬ

Жизнь состоит из эпизодов как из отдельных серий. Серий в моём сериале было много. Каждая круче, чем в кино. И про татар, и про цыган. И про парашюты, и про мотоциклы. И про ту войну, и про эту. Кому ещё, так повезло? Может, всем, а может, никому. Но мне-то точно скучно не было жить. Никогда!

* * *

ПРО ВЫБОР

«Лучше сяду, чем пойду», «Лучше пойду, чем буду сидеть». Это всё про выбор человека. Такой выбор я наблюдал несколько раз. Сначала дома, в Казани, с началом СВО, в мобилизацию. Они говорили: «Лучше сяду в тюрьму, чем пойду воевать». Но, понятное дело, никто никуда не сел, убежали в Грузию в лучшем случае. Или в Казахстан.

Потом, уже на войне, я встречал «сидельцев». Они, получившие за свои преступления пусть даже небольшие сроки, говорили: «Лучше пусть убьют, чем сидеть в тюрьме».

Вот и пойми нас, людей. Но я понимаю и тех и других: из мира в войну никому не хочется. А несвобода всегда хуже смерти.

* * *

ПРО СНЫ

Сны мне почти никогда не снились на гражданке. Или я их не запоминал. А сейчас часто снятся, хоть нормально спать мне приходится редко. Во сне приходят любимые люди. И это единственная возможность встретиться и поговорить с ними, иногда даже прикоснуться.

В снах никто не выясняет никаких отношений. Не заставляет выносить мусор и не ругает за то, что ешь лапшу из кастрюли половником. И Красавица по-прежнему радуется моему сердцу... И никто не превращается в чудовище.

А ещё мне часто снится туман. Просто туман. Просыпаясь, я думаю: к чему это? Наверное, к тому, что там, за туманами, мир, деревня, бабушка с дедушкой, конь Белый и немецкий «Цюндапп», ждущий меня много лет. Там за туманами моя любимая, давно ушедшая от меня, прошлая жизнь.

Часть 1. Жизнь первая

Глава 1. На передке. Как Фаза спас Пионера и Тиля

– Уокер, там наши остались! – кричит Бес, стараясь перекричать звуки войны.

– Знаю! Сиди смирно, не высовывайся! Сейчас порешаем! – Уокер легонько стукнул Беса по макушке кулаком, заставляя его скрыться обратно в окопе.

– Надо вывозить! – не унимается Бес. – Там Пионер, Тиль и Яма остались. Давай я метнусь.

– Куда метнёшься? На танки? На мины? Давно не умирал? Укокошат вмиг. И их не спасёшь, и сам там останешься. Никто туда не проедет, как на ладони будем!.. – начинает психовать Уокер. Эти резвые безбашенные солдатики, не отличающие мирную жизнь от военной и не желающие верить в смерть, которая подстерегает здесь каждую секунду на каждом углу, его уже порядком измучили. – Как детский сад, честное слово, – ворчал он себе под нос.

– Давай я! – В окоп будто с неба свалился Фаза. – На мотоцикле проскочу!

– На каком мотоцикле ещё? – Уокер выругался прицельной семиэтажной очередью, как мог только он. – Где ты мотоцикл возьмёшь?

– Нашёл у местных, отремонтировал, я мигом! – Не дожидаясь разрешения Уокера, Фаза юрко, как ящерица, нырнул за осколок вздыбившейся стены и выскочил оттуда верхом на «Урале».

Рёв мотоцикла на мгновение перекрыл звуки войны, и Фаза исчез в клубах дыма, которые сомкнулись за ним плотной стеной. Будто и не было никакого мотоцикла.

– Куда ты?!!!! – орал Уокер. – Назад! Сдохнешь!

– Он не сдохнет, он бессмертный! – успокоил его Бес. И сам будто успокоился.

– Пошёл ты! Сам знаю! – отмахнулся Уокер. – Скажи артам, чтоб прикрыли. И санитарам, чтоб готовились принимать раненых.

Через десять минут непрерывного грохота (Уокер засёк время) из клубов дыма материализовался Фаза. Мины рвались сзади и спереди мотоцикла, но взрывы опаздывали на миллидоли секунд. Фаза оставлял взрывы позади, пролетая иногда между ними на одном колесе.

– Тебе бы в цирке выступать, – беззлобно ворчал Уокер, помогая санитарам выгружать двоих раненых из коляски. – На последней мине, думал, накроет вас волной, как ты из-под неё выскочил только...

– У меня чуйка, командор! – улыбнулся Фаза. – Ну, я ещё раз метнусь!

– Осторожней там! – заорал Уокер. – Сдохнешь!

– Он не сдохнет, он бессмертный! – повторил Бес как мантру. – Татарина вытащил. Ещё двое наших там.

– А второй кто? – спросил Уокер. – Морда – в месиво, не узнаю я.

– Второй не наш, не тимеровский. На шевроне у него «Старый» написано.

– Пехота... – резюмировал Уокер. – Пусть молится на Фазу.

– Жить будет, – слушая пульс у раненого, кивнул санитар с плечами как у греческого титана.

– Понял? – Уокер ободряюще подмигнул раненому, стараясь не смотреть на выпученный из кровавой лужи в глазнице глаз. – Раз Атлант говорит, значит, будешь жить!

Раненый только невнятно прохрипел что-то в ответ.

* * *

Внешне вполне спокойный Фаза после своей первой мотоэвакуации умчался на «Урале» за деревню, к реке. Никому ничего не говоря. Там в относительной тишине – звуки канонады здесь были слегка приглушёнными – он сел у кромки воды прямо на мокрый песок.

Перед глазами ещё стояло то самое поле за посадкой, где он впервые увидел столько двухсотых и трёхсотых сразу. Столько беспомощных и обездвиженных людей. Он чувствовал себя каким-то бездушным монстром, который, пролетая между этих тел, должен за какие-то

доли секунды, как доктор, сообразить и определить, кто жилец, а кто не жилец на этом свете, кому сумеют помочь санитары, а кому нет, кого успеет он довезти до санчасти, а кого нет...

Некоторые затрёхоченные тянули к нему руки, некоторые беззвучно стонали-звали-кричали... Но в коляску «Урала» при всём желании могли уместиться только двое. Если посадить друг на друга. Поэтому он просил пацанов потерпеть и обещал вернуться за ними.

Двухсотые же лежали смирно в той позе, в которой их застала смерть, и через одного смотрели белыми глазами в голубое небо, на котором они обрели наконец покой.

А сверху сыпалось: крыло кассетами, жужжали, как бензопилы, FPV-дроны, шквальный огонь со стороны наших без передыху тушил врага, чтобы Фаза мог более-менее проехать, и куча «камикадзе» кружила в воздухе.

– Так вот ты какая, Огненная страна, – прошептал Фаза и, набрав в ладони речную воду, плеснул ею себе в разгорячённое лицо.

Глава 2. Железные кони. Как немецкий «Цюндапп» попал на Украину

Лето на Украине выдалось не просто жарким, а очень жарким. Всё вокруг будто плавилось и медленно растекалось в разные стороны расплавленным маревом. Дышать было нечем, всё время хотелось пить.

– Это потому, что не наше лето, не средняя полоса, – постоянно вытирая пот с шеи махровым полотенцем, которое висело у него на плече, пыхтел Бес.

– Как уж не наше?! – возражал Фаза. – Мы ж не в Африке. Лето как лето. И у нас такое бывает. Помнишь, в 10-м году, когда торфяники горели?

– Раз в сто лет, – не соглашался Бес. – А здесь, похоже, каждый год... Эй, где ты, Фаза? – оглянулся он. – Я что, в пустоту вещаю?

Фаза остановился около деревенского дома и как замороженный смотрел во двор.

– Чего ты там увидел? – Бес вернулся и направил свои окуляры туда же, куда смотрел Фаза. Но ничего особенного не видел.

– Чего вытаращились? – Из дома вышел хозяин. – Идите куда шли! – сказал он совсем недружелюбно.

– «Цюндапп»? – игнорируя недружелюбие, спросил Фаза, указывая рукой на старый мотоцикл, уткнувшийся спущенным колесом в завалинку.

– К-800! – гордо ответил хозяин. – А ты, я смотрю, разбираешься в «немцах».

– Ладно, пошли. – Потянул Фазу за рукав Бес. – Не связывайся с этими местными!

– У моего деда-соседа тоже такой был, – не обращая внимания на дёргания Беса, сказал Фаза. Он будто врос в землю.

Лицо хозяина мгновенно подобрело.

– Сто лет уж тут стоит, – сказал он. – Но сколько себя помню, ни разу не завёлся. Лёха, – протянул он руку для приветствия.

– Фаза, – представился Фаза, пожимая лёхину пухлую, мягкую, как подоспевшее тесто, ладонь.

– Бес, – нехотя протянул руку и Бес, соблюдая правила приличия.

– А почему Фаза? – совсем по-доброму улыбнулся Лёха. От улыбки щёки его раздвинулись, закрыв собой уши, а на правой щеке образовалась игривая женская ямочка.

– Потому, что не ноль, – коротко ответил Фаза. – Ну что? Попробую завести? – в лоб спросил он. – Руки прям чешутся.

– Да пожалуйста, раз чешутся, – ухмыльнулся хозяин. – Почеши! Но предупреждаю: он не заведётся. Уж кто только над ним не пыхтел.

– Я заведу, – пообещал Фаза и засучил рукава.

– Ну, валяй! – махнул рукой Лёха.

– Фаза, алё! – Бес покрутил пальцем у виска. – Нам в часть надо! Не забыл?

– Ты иди, я догоню! – Фаза уже запустил свои тонкие узловатые пальцы во внутренности мотоцикла. – Всё равно мне надо будет ещё запчасти где-то искать...

Бес покорно вздохнул и присел рядом прямо на траву. Он знал, что, если Фазе втемяшится какая-нибудь блажь в башку, колом её оттуда не вышибешь... Пока сам лично не убедится в правильности или неправильности своего порыва, не уйдёт. Всё по Некрасову.

Несколько дней подряд Фаза приходил во двор к Лёхе, каждый раз с новыми запчастями – какие-то он покупал среди остатков в местных «Хозтоварах», какими-то снабжали его волонтеры, которые взяли основательное шефство над бойцами «Тимера» и старались помогать во всём.

Мотоцикл чихал, плевался, но не заводился.

Иногда с Фазой приходил Бес, поглядывая на мотоцикл, спрашивал:

– Фаза-браза, зачем тебе эта развалюха?

– Пригодится, – коротко отвечает Фаза.

Хозяин периодически выглядывал из окна, усмеялся, на щеке играет ямочка. Он что-то комментировал в глубь комнаты, где в ответ кто-то радостно похихикивал. Но ремонтным работам хозяева не мешали. Живое «кино», которое они ежедневно наблюдали из окна, доставляло им удовольствие.

Через неделю со двора раздался победный треск.

Фаза, весь перемазанный в мазуте, подъехал на мотоцикле к окну, из которого уже выглядывал удивлённо-восхищённый хозяин.

– Неужто починил?! – присвистнул Лёха, и тлеющая сигарета вываливается из его пухлых ярко-розовых губ. – Вот баба Стеша бы обрадовалась!

Он, перекинув ноги через подоконник, спрыгивает во двор, жмёт Фазе руку и приглашает зайти в хату «отобедать по такому случаю чем Бог послал».

– Сначала прокатимся! – не соглашается Фаза.

Лёха неуклюже забирается на заднее сиденье, и мотоцикл, резво стартанув со двора, мчится по деревне, разгоняя в разные стороны испуганных кур и бесстрашно шипящих гусей.

После мотопрогулки обедали борщом со сметаной и с пампушками.

Фаза ел да нахваливал. Давно солдат не пробовал домашней пищи.

Хозяин, утирая после борща розовые свои губы, посмотрел на Фазу пристально и изрёк:

– Знаешь, этот мотоцикл только бабка моя завести могла. Она на нём в район гоняла, только юбки развевались...

– Бабка? – удивился Фаза.

– Угу! – кивнул Лёха. – Она ведь у меня немка была. И вот прям на этом «Цюндаппе» сюда приехала воевать против нас, значит. Но ничего не вышло. Дед мой её сам завоевал. Вместе с мотоциклом. – Он захохотал, подмигивая Фазе, сам очень довольный своей шуткой.

Фаза даже есть перестал. Уставился на Лёху во все глаза.

– Ничего себе история! – восхищённо сказал он. – Расскажи.

– Да я так, по верхам только знаю, – пожал плечами Лёха. – Отец рассказывал. Ну, короче, слушай...

* * *

Штефани Анна Хильда Тэресия Карла Офелия фон Виц была девушкой своенравной, впитав в свой характер все отрицательные черты от всех бабушек-прабабушек, чьи имена были аккуратно собраны в кучу и дадены ей при рождении.

Немцам не так давно на законодательном уровне запретили давать ребёнку более пяти имён, но во времена юности Штефани никаких запретов на эту тему в Германии даже не планировалось. Шёл 1939 год, и Германии было не до законов о каких бы то ни было именах. У неё на повестке дня было завоевание мира. А Штефани было не до войны. Она наконец-то правдами и неправдами получила от отца благословение на занятие любимым делом.

Герхард фон Виц был из рода Айнбекеров, известных пивоваров в Нижней Саксонии. Он мечтал, чтобы дочь вышла замуж за одного из сыновей владельца пивоваренной корпорации «Кульмбахер» из Баварской Верхней Франконии. Дети учились вместе в университете, и их отцы, будучи давними друзьями, мечтали каждый о расширении своего производства путём соединения сердец двух юных отпрысков.

Но в университете учились не только дети пивных королей, но и сын конструктора мотоциклов Нюрнбергской компании Zundapp Ксавьера Кюхена – Адольф. Он ухаживал за Ште-

фани с большим размахом, чем прижимистый безусый юнец Вилли из Верхней Франконии. Он даже подарил ей мотоцикл – тысячную модель Zundapp K-800. Совершенно бесперспективный подарок – на взгляд фон Вица. Страшненький подарок – на взгляд фрау фон Виц. Но фройляйн Виц была в пищащем восторге. И даже, что против всех правил приличий, бросилась дарителю на шею с благодарностями и чуть ли не с поцелуями! Пришлось потом отцу краснеть за дочь, а матери – оправдываться перед присутствующими на тот момент гостями, что, мол, вот так, видите, влияет на юных фройляйн имя великого Фюрера. Даже если у этого имени фамилия всего лишь Кюхен.

Родителей Штефани радовало лишь то, что дочь сразу заявила дарителю, что его подарок ничего не значит! И пусть он ни на что не рассчитывает! Мотоцикл ей нужен исключительно для работы! Но Адольф Кюхен лишь глупо улыбался в ответ, как всякий влюблённый, и терпеливо обучал фройляйн управлять этим чудом совершенно не женской техники.

Мотоцикл нужен был Штефани для её ветеринарных поездок. В университете она получила профессию ветеринара, опять же вопреки родительской воле (они мечтали видеть дочь человеческим врачом).

– Это тоже врач! – задрав упрямый подбородок, гордо сказала она, когда приехала объявить родителям, что вернулась в родную Нижнюю Саксонию приносить пользу гроссбауэрам¹, и целыми днями возилась с больными и умирающими животными на окрестных фермах. Мотоцикл, как она сказала, ей был просто необходим для срочных поездок по вызовам.

Быстро овладев управлением этой адски трещащей машиной, Штефани чуть свет вскакивала в седло и мчалась туда, куда звала её очередная звериная беда. Адольф частенько присоединялся к ней в таких поездках, и, казалось, ничто не может разлучить эту парочку.

Но разлука всё-таки случилась – прямо к порогу пришла война. Германия, быстро захватив пол-Европы, двинулась на коммунистический Советский Союз.

Вермахту сразу понадобилось много мотоциклов, умеющих пробираться по русскому бездорожью, – и производство «Цюндаппов» резко увеличилось.

В октябре 41-го Адольфа Кюхера призвали на фронт. Понятное дело, что в мотоциклетные войска.

Прощание молодых не было хоть сколько-нибудь печальным. Адольф обещал быстро победить и скоро вернуться. Штефани пообещала тоже отправиться на фронт следом. Ей поступило предложение, призналась она Кюхену по секрету, лечить на фронте раненых овчарок вермахта. И она сразу же согласилась. Отправление на следующей неделе. Там они и встретятся.

Адольф загорелся этой идеей – встретиться на войне. Оставалось самое трудное – сказать родителям. Они, конечно же, будут против, но когда это останавливало своенравную Штефани Анну Хильду Тэрсию Карлу Офелию фон Виц?!

– Если тебе разрешат поехать на войну на этом мотоцикле, – сказал на прощание Адольф, – даже не раздумывай! Это лучшая машина, которая вывезет тебя из любого бездорожья, не то что из русского! Ремонтировать его ты умеешь, если что. Я всё тебе показал.

Как удалось отпроситься на войну у родителей, история умалчивает. Но мотоцикл прибыл на фронт со Штефани фон Виц в седле.

Дальше была суровая и кровавая война, которую двадцатилетняя Штефани и в страшных снах представить себе не могла.

После первого же боя она рыдала на теле умирающей овчарки, у которой оторвало полтуловища. Овчарка смотрела на Штефани гаснущими глазами. Недолго, полсекунды. Но оттого, что Штефани понимала, что не в состоянии помочь ни ей, ни кому бы то ещё из своих питомцев, её охватывало отчаяние и она хотела немедленно вернуться домой, в Нижнюю Саксонию,

---

¹ Гроссбауэр – фермер, большой крестьянин (перевод с немецкого).

к маме, к своим животным, которым всегда, почти всегда, знала как помочь... Но в военных условиях строптивные характеры бабушек-прабабушек, заложенные с рождения в её длинное имя, не имели никакого веса.

Только через два года войны, через два года наспех похороненных собак и людей, Штефани и Адольф встретились, как и планировали. На территории Запорожья, откуда их – фашистов – с победными криками гнали злые русские солдаты. То была первая их встреча на войне и последняя в жизни.

Грязный и измождённый Адольф с какими-то совершенно чужими глазами бросился к ней, обнял и рухнул как подкошенный. Отгаскивая умирающее тело жениха в окоп, Штефани видела, как «Цюндаппом» Адольфа нагло завладел русский солдат. Такой же грязный и измождённый, как Адольф, он, пригибаясь, завёл мотоцикл и с рёвом, едва различимым в общем хоре войны, умчался прочь.

Закрыв любимому глаза и не проронив ни слезинки, Штефани Анна Хильда Тэресия Карла Офелия фон Виц вылезла из окопа, оседлала свой мотоцикл и помчалась в погоню за русским с единственной целью – отобрать «Цюндапп» и отомстить за Адольфа.

Уворачиваясь от пуль и снарядов, она мчалась по кочкам просто вперёд, не разбирая дороги, пока путь ей не преградило вырванное взрывом с корнями дерево.

Штефани остановилась, слезла с мотоцикла. Здесь было тихо, и она не сразу поняла, что находится уже на вражеской территории.

Сзади что-то бабахнуло, из-за растопыренного корня дерева взметнулась рука и, схватив Штефани буквально за шкирку, перетащила её за дерево.

Очувтившись по ту сторону ствола, Штефани увидела перед собой молоденького русского солдата – такого же светленького и такого же голубоглазого, как её Адольф.

– Ты чего, фриц? – спросил он её по-русски. – Жизнь, что ли, не мила? Лезешь под пули. Рано ещё. Будешь моим пленным! – постановил солдат, и его потрескавшиеся, в запёкшихся блямбах крови губы расплылись в улыбке.

Штефани ничего не поняла из сказанного, но улыбка русского ей почему-то понравилась. Может быть, потому что так в далёкое мирное время улыбался ей Адольф...

Под деревом кто-то заскулил, и русский перестал улыбаться, склонил голову и начал гладить кого-то, кто лежал под ветками, нашёптывая что-то ласковое, утешающее.

Штефани сразу поняла, что там раненая собака. За месяц войны она научилась отличать скулёж раненого пса от умирающего поскуливания. Она ринулась под ветки, желая помочь.

– Стоять! – Выпрямился во весь свой длинный рост солдат и навёл на неё автомат. – Не двигайся! Стрелять буду!

Понял, фриц?!

Он грубо, одной рукой, схватил её за мотоциклетный шлем и резко сдёрнул его с головы.

Волосы Штефани чудесными кудряшками рассыпались по плечам, и солдат испуганно отбросил шлем, опустил автомат, попятился...

Штефани показала ему на сумку с бинтами, жестами объясняя, что хочет помочь собаке.

Солдат послушно отодвинулся и пропустил её к животному Штефани быстро определила область ранения, к счастью, несерьёзного, обработала рану, перевязала. Собака смотрела на неё испуганно, но терпела, а в конце процедуры даже лизнула в нос, что было наивысшей формой благодарности.

Штефани улыбнулась и погладила собаку по голове.

Она обратила внимание, что пёс был немецкий. Жетон *Wehrmacht hunde*² с личным номером висел у него на ошейнике. Этот русский солдат спас немецкую собаку, которую дрессировали специально против русских.

---

² *Wehrmacht hunde* – собаки вермахта (перевод с немецкого).

Штефани посмотрела на солдата с уважением.

– Как тебя зовут? – спросил солдат.

Штефани молчала.

– Меня зовут Алексей, Лёша, – тыча себе пальцем в грудь, сказал солдат. – А тебя? – Он повернул палец в сторону девушки.

– Штефани, – ответила она, направляя свой палец себе в грудь.

– Ште-фа-ни, – повторил он медленно, по слогам, будто пробуя имя на вкус. – Это по нашему Сте-ша. Буду звать тебя Стешей.

И он ещё раз повторил процедуру:

– Лёша. – Палец направлен себе в грудь. – Стеша. – Палец направлен в Штефани.

Штефани тоже повторила и улыбнулась. На её правой щеке заиграла симпатичная ямочка. И вообще, она была очень симпатичная, хоть и немка.

– Знаешь что, – сказал Лёша. – Как бы тебе объяснить...

Здесь недалеко, в Запорожье, мой родной город Пологи. Отвезу тебя туда, к моей маме. Там меня дождёшься с войны, мы уж скоро победим. Но для этого тебе надо снять свою фашистскую одежду. – Он показал, как надо снять и выкинуть одежду.

Штефани из всего вышесказанного поняла, что надо раздеться, и замотала головой, испуганно пятась.

– Да не бойся ты, дурёха! – покрутил пальцем у виска Лёша. – Не собираюсь я тебя насильничать. Я тебя к маме отвезу, вместе с псом. Мне увольнительную дали на три дня. – Он показал ей три вытянутых пальца на руке. – Потому что тут рядом. Командир сказал: «Иди и догоняй потом».

Я не дезертир какой-нибудь, не подумай. Давай переодевайся, а то убьют ведь вас, немцев. – Он кивнул в сторону собаки, протянул к ней руку, в которой блеснул нож...

Штефани закричала.

– Да не бойся ты, дурёха! – опять повторил он и показал ей срезанный жетон. Размахнулся и швырнул его куда-то в кусты.

Потом снял с себя шинель и протянул Штефани.

– На, одевайся. Я отвернусь.

До неё понемногу начало доходить.

Переодевшись, они вдвоём перегнали мотоцикл за дерево, положили в коляску собаку.

– Давай я поеду, – забирая у неё руль, сказал Лёша. – Я до войны ездил на мотоцикле. Сумею. Так-то я пехота... А ты сзади садись! – Он похлопал по заднему сиденью ладонью, приглашая её сесть.

– Ну поехали! Держись крепче! – крикнул он, оглянувшись, и мотоцикл рванул по кочкам с места.

В Пологи приехали совсем уж ночью. В октябрьском небе стояла яркая круглая луна, на фоне которой зловеще торчали обугленные печные трубы.

Они медленно ехали по центральной улице, на которой не уцелело ни одного дома.

Около одной трубы Лёша остановился.

– Здесь была наша школа, понимаешь, Стеша? – мягко спросил он, не глядя на неё.

Собака тихонько заскулила в коляске.

Штефани не понимала слов и понимала всё сказанное. Какое-то дорогое сердцу этого русского Лёши место превращено в руины «благодаря» её соотечественникам. Кажется, это он хочет сказать.

Ей стало жалко его, жалко это место, жалко этот городок и эту разрушенную страну, которая когда-то была неразрушенной и, наверное, красивой и зелёной, как её родная Нижняя Саксония.

«Зачем всё это произошло? Ради чего?» – думала она, созерцая проплывающие мимо руины...

Они ещё минут десять ездили по улицам, пока не вырулили на окраину. Здесь некоторые дома сохранились.

Лёша остановился около покорёженного забора. Скрипнул калиткой.

Штефани увидела, как кто-то метнулся в доме от окна, освещённого изнутри тусклым, почти незаметным, похожим на отблеск луны светом. Лёша, оставив их с собакой, поспешил во двор, оттуда послышался женский плач. Через несколько минут из калитки несмело вышла женщина в каких-то лохмотьях, Лёша обнимал её за плечи.

– Вот, мама, – сказал он, – познакомься, это Стеша. А это – собачка её. Зовут... Как его зовут? – спросил он у Штефани, указывая пальцем в грудь пса.

– Виц, – сказала она, вот так сразу, без раздумий подарив чужому псу свою родную фамилию.

– Виц, – повторил он для матери. – Стеша и Виц. Они здесь останутся, ладно? У них никого нет. Ты научишь Стешу говорить по-нашему?

– По-нашему? – переспросила мама. – А она откуда?

– Она оттуда, мам. – Лёша мотнул головой, указывая в сторону войны. – Оттуда-оттуда, издалека. Она одна совсем осталась, никого у неё нет, кроме Вица этого. Я их на фронте подобрал. Вернусь – женюсь. Ты ж хотела, чтоб я женился?

Мать кивнула.

– Вот и женюсь. Она добрая, мам, хоть и немка. Убьют её там. И здесь убьют, если русскому не обучим. Обучишь?

Мать кивнула:

– Обучу.

Лёша помог девушке спуститься, взял на руки собаку и понёс её в дом. В остаток дома. Во дворе видно было, что задняя часть строения разрушена и роль стены выполняют прислонённые к крыше разнокалиберные доски.

Лёша положил собаку на подстилку, которую из какой-то ветоши быстро соорудила в углу мать. Потом вытряхнул из вещмешка свой паёк, разложил на столе хлеб, чай, шесть кусочков сахара, консервы.

Стеша, стесняясь, быстро вытащила свои запасы: немецкие консервы, несмело положила на стол. Аккуратненькие квадратные баночки-коробочки с золотистыми немецкими буквами инородно смотрелись среди прочей потрёпанной снеди.

– Это мы отдадим Вицу. – Лёша вскрыл плоские баночки и вывалил вкусно пахнущее содержимое в миску собаке. – Сами не будем фашистскую еду есть, ладно? – то ли спросил, то ли постановил он.

Втроём, слушая свои урчащие от голода животы, они молча наблюдали, как Виц вылизывает радостно звенящую железным звоном под его языком миску.

Потом мать вытащила из печи две холодные печёные картофелины, подвинула каждому по одной.

– Кушайте, – сказала она, утирая передником глаза. – Больше нету ничего. Стыд-то какой! Сын пришёл домой с невестой, а нечем даже угостить. – Она заплакала.

– Всё есть, мам, чего ты? Садись давай! – Он легко придвинул её вместе с табуреткой к столу. – Скоро всё будет. Вон фрицы бегут уже, только пятки сверкают.

Они поели. Лёша взял топор и вышел во двор. Через полчаса вернулся с какими-то деревяшками.

– Вот нашёл за Михальченковым огородом, – сказал он. – От сарая, видать, осталось. Сейчас печку затопим, тепло будет.

– Тепло не будет, сынок, – покачала головой мать. – Стены-то нет у нас тут, одни доски неприколоченные.

– Приколочу, – пообещал сын. И, прихватив молоток и топор, вышел из дома.

Штефани уложили на кровати. Где спали Лёша с матерью, она так и не поняла. Да и спали ли вообще... Когда она отключилась, он всё ещё забивал гвозди, стараясь соорудить какую-никакую стену. Периодически стук молотка затихал, и они о чём-то переговаривались с матерью на непонятном ей языке.

Когда она проснулась, никого в хате не было. Штефани на цыпочках по холодному полу подошла к окну – чёрные печные остовы труб на фоне яркого октябрьского солнца выглядели не так зловеще, как накануне ночью. На обгоревшем дереве радостно чирикал воробей.

– Гутен морген!³ – улыбнулась ему Штефани.

Дверь хлопнула, в хату вошла Лёшина мама с кувшином молока. Налила его в жестяную кружку, протянула Штефани.

– Пей! – сказала. – Это молоко. Мильх по-вашему.

Штефани кивнула и повторила:

– Молоко. Данке.

Она выпила всё молоко и спросила:

– Лёша?

Мать объяснила, что Лёша вернулся на войну, в свою часть. Сегодня ему надо их ещё найти, фронт ушёл далеко вперёд. А то завтра у него уже увольнительная заканчивается... Он сказал, что непременно вернётся к нам с тобой. Живым. И что сыграем вашу свадьбу. – Она обняла Штефани, крепко прижав к себе.

Девушка поняла всё до единого слова и только потом обратила внимание, что женщина говорит с ней на немецком.

– Шпрехен зи дойч?⁴ – удивлённо спросила она.

– Natürlich, bin ich Deutschlehrerin in – Mein Name ist Olesya Pavlovna⁵.

– Ich heiße Stefanie⁶, – представилась Штефани.

– Стеша ты у нас теперь, – поправила Олеся Павловна. – Ты уж привыкай к новому имени. Сегодня у нас с тобой, Стеша, первый урок будет.

* * *

– Вот так в нашей семье появился этот мотоцикл. И эта бабушка. И эта собака, – закончил свой рассказ Лёха.

Он встал, подошёл к шкафу и вытащил из его недр старый плюшевый фотоальбом. Очень толстый и очень тяжёлый. Плехнул его перед Фазой, опылив облаком семейной истории, начал листать.

– Вот! – ткнул он пальцем в чёрно-белое фото со следами замятин.

На потёртом снимке была изображена вся честная компания, о которой только что было рассказано: высокий худощавый светловолосый парень в военной гимнастёрке с распахнутым воротом за рулём «Цюндаппа»; из-за плеча у него выглядывала милая, немного растрёпанная девушка в украинской вышиванке; в коляске гордо восседала овчарка с треугольными стоячими ушами.

---

³ Доброе утро! (перевод с немецкого).

⁴ Вы говорите по-немецки? (перевод с немецкого).

⁵ – Natürlich, bin ich Deutschlehrerin in – Mein Name ist Olesya Pavlovna. – Конечно, я учительница немецкого языка. Меня зовут Олеся Павловна (перевод с немецкого).

⁶ – Ich heiße Stefanie. – Меня зовут Штефани (перевод с немецкого).

– Вица, конечно, я не застал, – сказал Лёха, поглаживая пальцем фотоморду пса. – Собачий век недолгий.

Да и прадеда не помню, он умер от каких-то серьёзных последствий ран, когда я совсем малой был. А вот бабу Стешу помню отлично. Лихая была старушка... Ну, я тебе говорил. По мотоциклам – первый спец в наших краях...

Перед смертью как-то сказала мне: «Цюндапп» мой береги, не ломай! А сломается – почини! Тут всё просто!» – И начала мне чего-то там про свечи, про прочие внутренности мотоциклетные рассказывать. Да ещё по-немецки их называть... Короче, не понял я тогда ничего. И не понял, зачем она мне-то рассказывает, на мотоцикле-то отец тогда мой ездил. Может, перепутала меня с ним. У отца он и сломался... Потом отец умер. Все участники той истории, считай, лежат в земле сырой сколько лет уже, а «Цюндапп» всё живой. Только не шевелится, будто в летаргическом сне был всё это время. Знаешь, что такое летаргический сон?

– Кто ж не знает! – Фаза знал. – Разбудили мы твоего «Цюндаппа».

– А «Урал» сможешь разбудить? – вдруг загорелся Лёха.

– Ну, ты не оборзел ли часом?! – возмутился Бес, подоспевший к концу истории про бабу Стешу. – Может, тебе ещё холодильник починить бесплатно? Или стиралку, которую русские солдаты у вас украли вместе с золотым унитазом?

– Да ладно тебе! – засмеялся Лёха. – Народ любит сочинять народные сказки.

– «Урал» ещё проще! – перевёл Фаза тему и успокаивающе похлопал разбушевавшегося Беса по плечу.

«Урал» завёлся через два часа.

– Руки у тебя волшебные, а голова – золотая! – Сграбастав Фазу в свои пухлые объятия, выдал Лёха комплимент.

– Повезло тебе с автомехаником, – вставил Бес свои пять копеек.

– Тогда знаешь что! Забирай «Урал» себе, брат! – Лёха взял Фазу за обе руки и положил их на руль мотоцикла. – Ты починил – тебе и ездить на нём! – И, как бы извиняясь перед Бесом, добавил виновато: – «Цюндапп» отдать не могу, понимаешь, память о бабушке...

В батальон Фаза вернулся на мотоцикле.

Глава 3. Туман. Как цыганка Натана украла Белого

...Густая манная каша, такая же, какую бабушка готовила Ильнуру по утрам, выползала из земли, стремительно горами и горками поднимаясь к небу «Горшочек, вари!» – шептал мальчик, вспомнив сказку, которую ему читала мама. Казалось, сказка превратилась в быль и вот сейчас кашей, как снегом, завалит всё вокруг. Ильнур не боялся быть погребённым под кашей. Он вообще ничего не боялся – ни темноты, ни пауков, ни соседского алабая, которого боялись все в округе. Он был уверен, что вовремя остановит кашу заклинанием: «Горшочек, не вари!» Просто пока интересно было наблюдать, как каша прибывает, грозясь заслонить своими «сугробами» звёзды на небе.

Вдруг из каши вынырнула бабушка:

– Улым⁷, ты где? – спросила она, смешно, как от мух, отмахиваясь от каши.

– Здесь, – прошептал он, заворожённый этим зрелищем. Каша расступалась под руками бабушки, как облака, а потом снова заполняла пространство.

– Не видно ничего, – сказала бабушка, опять пропадая в облачной каше. – Пойдём домой скорее!

В каше вдруг открылась чёрная дверь, приглашая войти внутрь. Бабушка шагнула туда, за ней потянулась тонкой струйкой каша, потом, стараясь не наступить каше на хвост, зашёл Ильнур.

– Горшочек, не вари! – приказал он шёпотом.

Дверь захлопнулась – каша исчезла.

– Это манная каша? – спросил мальчик у бабушки, кивая на то, что осталось за дверью.

– Манная-туманная, – засмеялась бабушка. – Это туман, улым. Там надо слушать, а не смотреть, чтоб с пути не сбиться. Он скоро рассеется.

Дверь хлопнула. Гремя сапогами и чертыхаясь, на кухню прошагал дед. Тяжело плюхнулся на стул, бросил на пол кнут, с досадой хлопнул по столу большой узловатой ладонью, аж чашки подпрыгнули:

– Шайтан!

– Ты чего в сапогах? – недовольно и в то же время настороженно спросила бабушка. – По помытому-то...

– Да чёрт с ними, с сапогами твоими! – отмахнулся дед. – И с полами! – добавил он ещё более раздражённо. – Белого украли! Вот!

Бабушка всплеснула руками, заохала-запричитала:

– Как украли? Кто украл? Когда???

– Цыц! Раскудахталась! – прикрикнул на неё дед беззлобно. И пояснил: – Цыгане, похоже, украли коня. В туман увели. Зашёл в сарай, а там нету его... Куда идти искать – не видно ни зги...

Ильнур тихонько выскользнул за дверь. Белого он любил всей душой. И решил сам его найти.

Крыльцо утопало в тумане.

– Надо слушать, а не смотреть! – повторил он вслух слова бабушки. Закрыв глаза и шагнул в туман. Хотя мог бы и не закрывать – всё равно ничего не видно.

Ильнур ногой нащупал последнюю ступеньку, расставив широко руки, наощупь добрался до калитки. Она тихонько скрипнула и легонько шлёпнула его по мягкому месту, провозжая.

– Вот сейчас будет дерево, после него через два шага налево, потом через дорогу и прямо-прямо – до самого поля, туда, где с бабушкой землянику собирали, потом вдоль речки... –

---

⁷ Улым – сынок (перевод с татарского).

шептал себе под нос мальчик. Он слышал свои шаги, лай собаки где-то вдалеке... Что-то мягкое и пушистое нежно коснулось его ноги, потёрлось об неё – Барсик, узнал Ильнур и наклонился было погладить. Но руки поймали лишь белый кусок тумана, который легко прошёл сквозь пальцы, кот уже растворился в нём.

Вдруг, будто ёжик из тумана, сверху появилась голова лошади. Она с интересом посмотрела на него чёрным блестящим глазом и снова скрылась в тумане.

– Белый! – позвал Ильнур. Бросился вперёд, обо что-то споткнулся и упал, мягко воткнувшись в сырую землю носом.

Когда искры перестали кружиться перед глазами, Ильнур увидел над собой прекрасное лицо девушки, обрамлённое чёрными кудрями.

– Ты как? – спросила она встревоженно, приподняла его, взяв под мышки, и поставила перед собой. Присела перед ним на колени. Нежно пальчиками убрала какие-то травинки с его лба, погладила по голове.

Ильнур смутился.

– Меня Натана зовут, а тебя как? – спросила девушка. В ушах её звонко звякнули золотые серьги-кольца.

– Я Ильнур, – ответил мальчик.

– Что ты здесь делаешь ночью один, Ильнур? – поинтересовалась она.

– Я Белого ищу, – сказал Ильнур. – Это конь дедушкин.

– Этого? – Натана развела руками клубы тумана, и на очищенном пространстве вновь материализовалась голова коня с влажными чёрными глазами. Где-то там внизу, под толщей тумана, зацокали копыта – цок-цок – Белый подошёл к Ильнуру, вздохнул счастливо и положил голову ему на плечо.

– Узнал тебя твой конь, – улыбнулась Натана.

– Дедушка сказал, что его цыгане украли, – сказал мальчик, поглаживая Белого по морде.

– Я вот цыганка, – вдруг призналась Натана. Поднялась с колен и неожиданно крутанулась вокруг своей оси – платье из разноцветных оборок закружилось сначала в одну сторону, потом в другую, разгоняя белые клубы тумана... Зазвенели на груди разноцветные бусы-мониста, монетки...

– Значит, это ты украла Белого? – удивлённо спросил Ильнур.

– Не украла, а взяла покататься? – улыбнулась она. – А что? Нельзя было?

– Можно... – растерянно ответил мальчик.

– Давай ладошку, я тебе погадаю. – Натана села прямо на траву и похлопала рукой рядом, приглашая его сесть.

– Как это погадаю? – не понял мальчик, протягивая ладонь.

– Очень просто. Узнаем всё сейчас про то, что ждёт тебя в дальнейшей жизни, кем станешь, когда вырастешь...

Внимательно разглядывая протянутую руку, она вдруг притихла.

– Жизнь у тебя будет короткая, но яркая, – сказала она наконец. – Будто в огне. А после того, как сгоришь в том огне, проживёшь ещё долго – три минуты.

– Разве три минуты – это долго? – засомневался Ильнур, вспоминая, как быстро кончались эти минуты, когда мама загоняла его с улицы домой. «Ещё три минуты!» – умолял он. Она кивала и скрывалась за окном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.